

Так говорил Вырыпаев

МАРИНА ДАВЫДОВА

Известия - 2004 - 10 фев - с 23

На сцене Центра им. Мейерхольда в рамках фестиваля NET сыграли премьеру нового проекта Ивана Вырыпаева «Бытие № 2».

Сам Вырыпаев рассказывает предысторию создания этого спектакля так. Некая Антонина Великанова, пациентка психиатрической клиники (диагноз — острая шизофрения!), передала ему через лечащего врача текст своей пьесы. Пьеса была длинная и путаная, но Вырыпаева она заинтересовала. На основе этого текста, изрядно сократив и отредактировав его, известный драматург изготовил собственную литературную композицию. Получилось весьма стройное произведение, разложенное на три голоса. Одного из действующих лиц — ведущего и куплетиста — играет сам автор.

Независимо от того, существует ли Антонина Великанова на самом деле или все это — дерзкая мистификация, «Бытие № 2» имеет смысл рассматривать как оригинальное сочинение писателя Вырыпаева, являющееся к тому же логическим продолжением предыдущего его опуса — знаменитого «Кислорода». Стилистика и тематика двух этих спектаклей (режиссером обоих выступил Виктор Рыжаков) выдают единую авторскую волю. О стилистике чуть позже. Тематика же такова.

В «Бытии» кроме куплетиста и удивительно талантливого баяниста (Айдар Гайнуллин) действуют два персонажа: Бог (Александр Баргман) и жена Лота (Светлана Иванова). Бог доказывает, что его нет. Жена Лота — что он есть. Бог — что человек — лишь квинтэссенция праха (этот Бог вообще явно страдает гамлетизмом). Жена Лота — что есть в нем кое-что и опричь брэнной плоти. Сие удивительное богоборчество, где главным богоборцем оказывается сам Всевышний, многим показалось верхом кощунства. По мне же оно окрашено не нигилизмом, а как раз напротив — отчаянным желанием человека верить в ситуации, когда единственным источником веры оказывается он сам. Если ты хочешь, чтобы Бог был, значит, он есть. Даже если

его нет, все равно есть — вот главная мысль «Бытия № 2».

Для современной литературы подобные прямые высказывания о вере — отчаянный, и впрямь граничащий с сумасшествием, шаг. Тот самый шаг, который, как правило, отделяет литературу от паралитературы. Вырыпаев тем не менее этот шаг совершает. И спасает его от падения в пропасть пафосной графомании лишь одно — совершенно неожиданная интонация. Ведь не только Вырыпаева, но и современное искусство вообще (а уж драматургию в особенности) давно и всерьез заинтересовали измененные состояния сознания. Это может быть сознание психоделическое, суицидальное, шизофреническое — не важно, важно, что оно необыденное. Изломанное. Не могущее успокоиться ни в вере, ни в неверии. Бросающее вызов разумным и благонамеренным основаниям нашей цивилизации. Оригинальность и привлекательность стиля Вырыпаева состоит, на мой взгляд, в том, что он сумел нащупать некие общие точки между издерганным, изъеденным рефлексией сознанием современного интеллектуала (ведь его Антонина Великанова, не важно — придуманная или реальная, конечно же, продукт высокой городской цивилизации) и сознанием низовым, архаическим. В проблематику культуры элитарной он впустил стихию культуры низовой. Я бы даже сказала, что он, наверняка сам того не подозревая и не желая, занял ту нишу, которую занимал в русско-советской эпохе Владимир Высоцкий. Ведь идущие контрапунктом к главной истории куплеты пророка Иоанна (Бог оказывается в них кряжистым мужиком Пал Иванычем, вставляющим всем по самые помидоры) явно восходят к фольклорным, частушечным перевертышам. Точно так же в «Кислороде» десять (по числу десяти заповедей) композиций, в которых ненормативная лексика перемежается с библейской риторикой, исполнялись в стиле рэп. А рэп — это ведь тоже не в чистых верховьях, а в самых что ни на есть мутных низовьях культуры укорененный жанр. Иными словами, в лице Вырыпаева (причем не только литератора, но и, что немаловажно, очень одаренного артиста) мы видим прямого посредника между двумя, казалось бы, бесконечно далекими друг от друга мирами. Трудно сказать, какой из них ему ближе. Ясно лишь, что тот ясный и гармоничный мир, в котором можно было просто, без рефлексии, надрыва и юродства верить в Бога, от него, как и от всей нашей культуры, уже бесконечно далек.